МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЕРШОВ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛОСОФА

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-3/183-186

«...ЧЕСТЬ ИМЕЮ ПРОСИТЬ ФАКУЛЬТЕТ»: ПРОШЕНИЕ ПРОФЕССОРА М.Н. ЕРШОВА О ЗАГРАНИЧНОЙ КОМАНДИРОВКЕ (1922 г.)

*Подготовка к публикации и комментарии О.П. Еланцевой и П.А. Щербина**

Публикуемый документ выявлен в Государственном архиве Приморского края (ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 13. Л. 9–10об.), в личном деле профессора ДВГУ Матвея Николаевича Ершова. Прошение исполняющего должность ординарного профессора М.Н. Ершова было адресовано в историко-филологический факультет Государственного Дальневосточного университета (далее – ГДУ) с просьбой разрешить ему «научную заграничную командировку в пределы Китая, Японии и Северной Америки» сроком с 1 ноября 1922 г. по 1 января 1924 г. «без сохранения содержания».

Судя по пометам в тексте прошения и на почтовом конверте, оно было отправлено из Русской Духовной Миссии в Пекине. М.Н. Ершов датировал свое ходатайство 24 ноября 1922 г., а через две недели (7 декабря 1922 г.) оно уже поступило в вузовскую канцелярию, о чем свидетельствует штамп с входящим номером 584.

Известно, что осенние месяцы 1922/1923 учебного года доставили немало хлопот и переживаний администрации ГДУ и его факультетам. Так, практически на каждом собрании историко-филологического факультета (2 сентября, 16 сентября, 23 сентября, 30 сентября, 7 октября 1922 г.) в присутствии М.Н. Ершова рассматривался вопрос о личном составе профессоров и преподавателей, не явившихся к началу учебного года (Российский государствен-

ный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 4, 18об., 23, 26 и др.). По этой причине были отчислены из вуза избранные еще в 1921 г., но не приступившие к работе в ГДУ А.М. Селищев, М.К. Азадовский, С.И. Шестаков, В.А. Грачев, Д.П. Денике и многие другие.

Коллеги по факультету несколько раз весьма корректно возвращались к вопросу о профессоре Н.И. Никифорове, доцентах А.М. и Л.А. Мерварт, преподавателе Е.Д. Скороходовой-Зверевой и др. Они не только фиксировали факт их неприбытия к началу занятий, но и интересовались возможностью возвращения в ГДУ, указывая, что неявка повлечет за собой «отчисление от должностей в университете» (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 16–16об.).

Публикуемый документ подтверждает сложное, тревожное морально-психологическое состояние вузовских работников, сравнительно недавно прибывших во Владивосток. Увереннее чувствовали себя те, кто много лет жил и трудился в этом городе.

По неизменной вузовской традиции преподаватели ГДУ использовали летнее каникулярное (а при возможности – и учебное) время для своих научных поездок. Во второй половине 1922 г. с официального разрешения властей в научную экспедицию выехал преподаватель ГДУ В.К. Арсеньев, в командировку в Китай

* ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ЩЕРБИНА Полина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: scherbina.pa@dvfu.ru

© Еланцева О.П., Щербина П.А., 2020

отправился профессор-востоковед А.В. Гребенщиков. 2 сентября 1922 г. историко-филологический факультет поддержал ходатайство доцента Л.А. Зандера на заграникомандировку с 1 января 1923 г. по 1 января 1924 г. (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 13–13об.).

Возникает вопрос, почему М.Н. Ершов не ходатайствовал о командировке? Как следует из публикуемого документа, еще весной 1922 г. им «было заготовлено», с одной стороны, прошение о заграничной командировке, а с другой – заявление об отказе от должности проректора университета. Заявление об освобождении его от обязанностей проректора было подано 20 октября 1922 г., как он подчеркивает, в Совет Университета (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 13. Л. 9об.). Интересно, кому лично оно было подано? Быть может, ректору ГДУ Г.В. Подставину, покинувшему Владивосток на следующий день и не оставившему никаких распоряжений по университету?

В контексте рассматриваемого документа весьма важна и другая деталь: 21 октября 1922 г. участники собрания историко-филологического факультета, на котором, кстати, впервые за несколько последних месяцев отсутствовал М.Н. Ершов, слушали «Заявление профессора М.Н. Ершова об отъезде в отпуск из Владивостока» и определили: «Принять к сведению» (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 29). По всей видимости, это была устная информация: при наличии текста заявления вузовская делопроизводственная практика требовала его не только рассмотреть, но и направить в Совет университета.

М.Н. Ершов покинул владивостокский университет под предлогом отпуска. Приблизительно через месяц, 24 ноября 1922 г., он обратился на факультет с публикуемой здесь просьбой о предоставлении длительной зарубежной командировки, подробно раскрывая те научные и учебные задачи, которые предполагал решить, и тщательно подчеркивая полное моральное и юридическое право на ее получение. В частности, он замечал, что его отсутствие в течение одного года «не может... причинить ущерб делу преподавания по кафедре философии и смежной с ней кафедре педагогики». Следует отдать должное Матвею Николаевичу: в течение сентября – октября 1922 г. он смог через собрание историко-филологического факультета провести несколько

кадровых вопросов (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 16–16об., 29об., 30), что, несомненно, способствовало укреплению кафедр философии и педагогики. Неслучайно, анализируя в конце сентября 1922 г. обеспечение преподавания по отделениям, секциям и специальностям, факультет посчитал нормальной ситуацию по преподаванию философии и педагогики (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 20).

Однако автор прошения ошибался, утверждая, что его отсутствие в течение года не повлияет на учебный процесс. Отъезд профессора заставил факультет перераспределить нагрузку, передав чтение истории древней философии приват-доценту Н.А. Стрелкову, а истории новейшей философии – профессору Н.Н. Трифонову. Объявленные профессором М.Н. Ершовым курсы по введению в философию и по истории педагогических учений, а также просеминарий по философии пришлось «снять с обозрения преподавания» в течение 1922/1923 учебного года (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 31об., 32).

Итак, 7 декабря 1922 г. прошение М.Н. Ершова о предоставлении ему заграничной командировки поступило в университет. Через два дня, 9 декабря историко-филологический факультет в своем собрании (протокол № 14, пункт 3), рассмотрев прошение и никак не выразив своей позиции по его сути, направил его в Совет ГДУ (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 42об.). Такой шаг можно считать закономерным, учитывая то обстоятельство, что Совет университета своим решением от 16 ноября за № 583 «отчислил» (уволил) профессора М.Н. Ершова как выбывшего из г. Владивостока без получения установленного законом отпуска (РГИА ДВ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 23. Л. 36).

Представляется, что описанная выше непростая ситуация не может быть интерпретирована без учета более широкого исторического контекста. Переезд профессора М.Н. Ершова во Владивосток в 1918 г. можно рассматривать как попытку своеобразного бегства от новой советской государственности. Осенью 1922 г. эта новая власть и устанавливаемый ею новый социальный порядок находились в нескольких километрах от Владивостока, и всем был очевиден дальнейший ход событий. Думается, что не только научные интересы побудили профессора Ершова так поспешно покинуть Владивосток, до завершения всех формальностей по предоставлению отпуска и командировки, о

которой он просит, уже будучи в Пекине. Безусловно, для подтверждения данной гипотезы требуется дальнейший анализ. Однако сам факт принятия решения о длительном отсутствии в университете человеком, опытным в организационной работе, чьи навыки и авторитет неизбежно потребуются в период адаптации вуза и факультета к требованиям нового государства, заставляет предполагать глубоко личную мотивацию. В Китае профессор Ершов остается значительно дольше, чем год, что свидетельствует в пользу суждения о принадлежности его к тем представителям российской интеллектуальной среды, которые выбрали для себя путь неприятия советского государства, по крайней мере в период Гражданской войны.

**В Историко-филологический факультет
Государственного Дальневосточного
Университета**

и. д.
ординарного профессора
Матвея Николаевича Ершова
прошение.

Честь имею просить Факультет разрешить мне научную заграничную командировку в пределы Китая, Японии и Северной Америки сроком с 1 сего ноября по 1 января 1924 года без сохранения содержания. Потребность для меня в научной заграничной командировке – весьма ощутительна. Еще весною текущего года я предполагал просить Факультет о заграничной командировке. Мною уже заготовлено было прошение о таковой командировке вместе с заявлением об отказе от должности проректора университета. Но те мои коллеги, которым стало известно это мое намерение, убедили меня тогда не давать движения делу как об отказе от проректуры, так и о научной заграничной командировке, тем более что срок, на который я был избран Советом Университета на должность проректора, должен был истечь весною 1923 года.

В виду того, что 20 октября сего года мною было подано заявление в Совет Университета об освобождении меня от обязанностей по должности проректора, я настоящим и имею честь просить Факультет о разрешении мне научной заграничной командировки на указанный выше срок. Согласно «Временного положения о Госу-

дарственном Дальневосточном Университете», лица преподавательского состава Университета, прослужившие в Университете не менее четырех лет, имеют право на годичную научную командировку за границу с сохранением содержания по занимаемой должности и с пособием от казны. Я, как известно членам Факультета, являюсь одним из первых инициаторов учреждения во Владивостоке Историко-филологического Факультета и немало содействовал созданию и организации Государственного Дальневосточного Университета в его современном виде и составе. Почти непрерывно в течение четырех с лишним лет я занимал административные должности сначала декана Историко-филологического Факультета и затем проректора Университета. В то же время я читал целый ряд курсов по кафедре философии и всемерно заботился о расширении преподавания по означенной кафедре путем приглашения новых преподавателей. В настоящее время по кафедре философии кроме меня состоят: проф. Н.Н. Трифонов, доцент Л.А. Зандер, приват-доцент Н.А. Стрелков и по смежной с философией кафедре – кафедре педагогики – доцент Я.Д. Коблов и преподаватель Г.В. Гурьянов. Думаю, что даже в случае отъезда в Германию с 1 января 1923 г. Л.А. Зандера, моя научная заграничная командировка, при наличии на Факультете вышеуказанных научно-преподавательских сил, не может в течение одного года причинить ущерб делу преподавания по кафедре философии и смежной с ней кафедре педагогики.

Я же, с своей стороны, по возвращении из командировки естественно с удвоенной энергией возьмусь за дело научной и преподавательской работы на Факультете. Задача моей командировки – научная работа в библиотеках, имеющих более или менее богатые философские отделы. В первую очередь я предполагаю работать в Пекине. Здесь есть солидная библиотека при Русской Духовной Миссии, а также и при других миссиях: католической, методистской, пресвитерианской и др. Есть большая библиотека при National University of Peking и при Pei Yang University (близ Тяньцзиня; Тяньцзинь – в трех часах езды по жел[езной] дор[оге] от Пекина). Кроме научных занятий в библиотеках, я предполагаю также ознакомиться с постановкою дела преподавания как в вышеуказанных двух китайских университетах, так и в специальных педагогических учебных заведениях (the High Grade Normal School), поставляющих

своею задачею готовить преподавателей для китайских средних учебных заведений. Таковых в Пекине два – мужское и женское. Кроме Пекина, я предполагаю также с аналогичными заданиями поработать еще в Токио и в одном из университетских городов Северной Америки.

Своим научным занятиям в течение срока просимой заграничной командировки я поставлю следующие цели: 1) подготовку к печати II-й части моего «Введения в философию», 2) подготовку к печати моего курса лекций по «История новой философии» (некоторый материал был собран мною еще в Казани и во Владивостоке: означенный курс я четыре раза читал в Казани и два раза читал во Владивостоке) и 3) соби́рание материалов для большого монографического исследования на тему: Философия Декарта (конкретнее тема мною будет сформулирована, когда будет собран и в достаточной степени проработан соответствующий

литературный материал). Означенная работа будет стоять в известной связи с моей магистерской диссертацией: «Проблема богопознания в философии Мальбранша». Казань. 1914. Кроме того, я предполагаю знакомиться на местах с постановкою университетского преподавания, а также с постановкою учебно-школьного дела вообще.

О своих занятиях я обязуюсь к концу срока просимой заграничной командировки – к 1 января 1924 года представить в Факультет отчет.

И. д.
ординарного профессора
М. Ершов

XI. 24. 1922

Мой адрес: Peking. Russian Orthodox Mission.
Pei Kuang. Professor M.N. Ershoff

ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 13. Л. 9–10об.